

Русская идея, национализм и фашизм

Вопрос об оппонентах социального хаоса сложен, и каждый сейчас уступает эту "почетную" роль другому. Я могу только сказать, что, если либералы или демократы, даже какие-то крайние течения, смогут предотвратить воцарение хаоса и в состоянии будут стабилизировать общество, — пожалуйста, я тоже готов отойти в сторону. Каждый готов отойти в сторону, и, заметьте, это не случайно: хаос нарастает, и все большее количество людей начинает понимать, что он — штука не простая и что с ним бороться — не почетное право, а очень тягостная и мучительная обязанность. В этой связи я напомним одну фразу Есенина: "...И те, кому оставил он // страну в бушующем разливе, // должны заковывать в бетон; про них не скажешь "Ленин умер", // их смерть в тоску не привела, // еще суровой и угрюмой // они творят его дела".

Вопрос заключается в том, какими механизмами, хоть сколько-нибудь просвещенными, можно удержать нарастание хаоса и где его источник. Поскольку сейчас стало очень модно критиковать "Беловежский сговор", "беловежских путчистов" и как бы уже только ленивый не пинает людей, которые там что-то подписывали в Пуше, я все же хотел бы обратить внимание собравшихся на то, что предшествовало этому подписанию. И сделать это в виде сопоставления: что было и что стало еще до этого Беловежья.

Было — союзное государство. Понятие "Союз Советских Социалистических Республик" можно воспринимать по-разному. СССР может трактоваться и как союзное государство, и как союз государств. Так вот, было — союзное государство, стал — союз государств с концепцией суверенитетов, и произошло это задолго до 1991 г. Была — альтернатива, "человечество развивается не так, как капиталисты куда-то его ведут, а так, как мы его ведем"; стало — модернизация с принципом "иного не дано".

Была закрытость, холодная война, разрядка, сдерживание; стало — новое мышление, единый мир, "мы все едины". Были Раппаль-

ские, Ялтинско-Потсдамские соглашения, Хельсинский договор, фиксация некоего геополитического паритета; стало — осуждение пакта Молотов—Риббентроп, сталинщины и все остальное.

Был (не знаю, как его лучше назвать) советский интегрализм, интегральный советизм, доходящий до признания возникновения новой общности людей "советского народа". Или, как говорил Андропов, "национальный вопрос в том виде, в каком мы его наследовали от Российской империи, мы разрешили". Стало — национальное возрождение, народные фронты и т.д. и т.п. Было — право наций на самоопределение, фиктивное, замороженное унитаризмом правящей партии, дремлющее в структуре союзных республик; стало — наполнение ленинской национальной политики реальным содержанием, включая развертывание национальных партий, частью чего, естественно, рано или поздно, явилось создание Коммунистической партии Российской Федерации.

Был централизм, жесткая властная вертикаль сверху вниз; стало — переворачивание пирамиды, абсурдизация централизма, включая миф об административно-командной системе (как будто бывают другие). Была индустриально-имперская концепция государства, объединительная идея — союз народов, закрепленная 6-й статьей Конституции; возникли (я так это называю): полицейская многопартийность, партийный революционаризм и была снята 6-я статья под овации собравшихся. Было Политбюро, сформированное по профессиональному принципу, фиксирующее в организационном смысле этот единый централизм; стало — Политбюро первых секретарей союзных республик, т.е. — фикция.

Была победа в Великой Отечественной войне, как победа красного над черным, величайшее событие в жизни народа, символ единства пролитой крови и т.д.; стало — приравнение коммунизма к фашизму, растаптывание победы как ценности, отказ детей от отцов, бунт против них, доходящий до уровня библейского надругательства.

Существовали льготы как принцип стимулирования номенклатуры, коррупция трактовалась как нечто подсудное; стал — принцип "обогащайтесь", переход власти в собственность, ускоряющийся распад государства по схеме "кто главный, тот и приватизирует абсолютно суверенные приватизационные фонды" (вот к чему все рвались), неизбежная в результате этого гиперкоррупция, возведенная в норму общественной жизни.

Было — формирование некоего постиндустриального потенциала, выражающееся в возрастании роли научно-технической интеллигенции (хотя и недостаточном), в создании элитных городов, в придании, так сказать, особой социальной роли научному сословию в общественном сознании — "учись сынок, а то работать будешь"; стало — отбрасывание постиндустриальных потенциалов, разрушение научно-технической интеллигенции и среднего класса вообще, формирование кооперативов как насосов для выкачивания средств из госсектора, абсурдная идея первоначального накопления капитала на своей территории (подобные явления не имеют аналогов в мировой истории).

Была монополия госказны и внешней торговли, создававшая возможность хоть как-то приравняться по потенциалу финансов, напри-

мер, к одной из корпораций типа "Стандард Ойл"; возникли СП, наблюдаются дробление единого финансового потенциала, создание абсолютно неконкурентного капиталистического класса. Существовали единый оборонный комплекс и оборонное сознание, которые в условиях слабого финансового потенциала все-таки создавали некое равновесие для данного субъекта в мире; возникло то, что есть, — разрушение этого комплекса и мгновенное же снижение престижа руководителя государства и самого государства.

Вот примерно все реализовавшееся еще до того, как кто-то, кого я совсем не люблю и вполне осуждаю, взяли и что-то подписали в Беловежье. Могло ли быть что-то другое к моменту, когда они это подписали? Примите во внимание все обстоятельства, соедините их в матрицу, поставьте весовые коэффициенты, посчитайте вероятность. Окажется, что с вероятностью 98—99% распад СССР должен был состояться. Нужно было выбирать: либо этого не делать, либо примириться с распадом как с неизбежностью. Здесь возникает вопрос о последовательности событий (мне один друг, родители которого и он сам сильно пострадали в ходе репрессий, цитировал длинное стихотворение, кончавшееся так: "...будет плакать следовательно на моем плече, я забыл последовательность, что у нас за чем"). Так вот, существо вопроса в том, что восстановление последовательности нужно не для того, чтобы следовательно плакал на чем-то плече, но ради восстановления исторической правды. Последовательность была именно такова, и пусть никто не говорит, что об этом не говорили, не писали, не предупреждали. Каково же, по большому счету, содержание происходящего? Оно берет свое начало в середине 70-х годов, когда коммунистическая номенклатура осознала, что данная модель требует либо каких-то совершенно новых идей и каких-то действительных трансформаций, либо перевода процесса на гораздо более мягкий, нормальный путь с соответствующими возможностями для себя самой. Именно тогда начал идти разговор о построении национального государства, о национальной буржуазии и о нормальном буржуазно-национальном развитии.

Для того чтобы развернуть какие-то потенциалы в становлении национального, в строгом смысле этого слова, т.е. современного буржуазного общества, необходимо было разрушить империю, обеспечить первоначальное накопление, — в общем, пройти все эти фазы. И разговор шел даже о том, что мы пройдем все фазы в соответствии с моделью французской революции, что у нас будет своя маленькая Бастилия, своя маленькая Жиронда, свои маленькие якобинцы, что так мы дойдем до Бонапарта, — и все будет хорошо. Уверенность в хорошем результате была столь велика, что говорившие: "Смотрите, то там распадается, в Карабахе, то здесь налицо абсурд", в ответ слышали: "Ничего, ничего, это не абсурд, зря вы так говорите, это очень хорошая штука: сейчас мы все рассыпем, трансформируем, а потом соберем новую модель — "остров Россия" с соответствующей периферией, у нас будут и метрополия, и колонии". Рассыпать рассыпали, а собрать не собрали, провалились. Но этот провал задевает чувства не узкого слоя интеллигенции или каких-то "рупоров" этого процесса; он задевает субъектов процесса, которые обязаны признать, что проект, кото-

рый они реализовали на протяжении последних 20 лет, лопнул. Да, это затрагивает и витальные интересы многих, и их самолюбие, и многое другое. Но все равно это придется сделать. И когда это будет сделано (а это будет сделано), возникнет главный вопрос — в чем же теоретическая ущербность того, что было предложено. Я убежден, что ущербность — в концепции модернизации, под которой я имею в виду не обновление основных фондов и не создание нового индустриального потенциала, а весь огромный философский проект, претендовавший на уникальность, на безальтернативность, на рассмотрение модернизации в качестве синонима развития (что абсолютно и категорически недопустимо). В этом смысле приравливание модернизации к развитию Запада — колоссальная ошибка. Сейчас эта ошибка начинает осознаваться тем яснее, чем отчетливее концепция модернизации начинает противостоять так называемый цивилизационный подход по Тойнби (Данилевский в нашем отечественном варианте).

Но этот подход, так же, как и концепция модернизации, приведет в тупик Россия и больше, чем цивилизационный тип, и меньше. Россия — это не цивилизация в строгом смысле слова. Россия — имперская ипостась западного универсума. В этом смысле декларация о монодерне — модерн, и ничего больше. Модерн, и все. Подобная декларация так же опасна, как и снятие имперской компоненты в развитии мира. Западный универсум двулик, и всякая попытка снять в нем империю как одну из составляющих приводит к его уничтожению. Опасность для Запада заключается сегодня в том, что, когда он добьется модернизации России, он уподобится Гамлету в поединке с Лаэртом, который, убив Лаэрта, гибнет сам. Диалектика мирового развития приведет к тому, что Запад рухнет, как только "убьет" Россию, превратив ее в свою модернизированную часть. Более того, здесь необходимо поставить вопрос о глобальном мировом значении именно красной идеологии, потому что те черные волны, которые исхледили из этого монодерна и которые предъявили себя в полном объеме уже в философии Ницше, грохнули бы западную цивилизацию к концу XIX а, и только полыхнувший красный пожар, давший потом своеобразный ответ в России, сумел удержать баланс самого универсума. Вне его этот универсум был бы прикончен самой философией монодерна. Поэтому Россия постоянно сопротивляется модернизации, поэтому не формируется и не имеет корней для формирования нация как нововременное либерально-буржуазное нечто. Ведь кто такие старообрядцы? Фактически это как бы протестанты, но — "как бы", ибо протестантизм ликующе смотрел в будущий секулярный мир, а старообрядцы смотрели в прошлое и апеллировали к старому укладу. Уже начиная с того момента выявилась разница между сходными явлениями. Сколько столетий понадобится, чтобы повернуться в "нужную" сторону, и чего мы этим добьемся? Мы этим не добьемся ничего.

По большому счету, мы в попытке аплодировать Западу и стремлений стать такими как он, уничтожим и Запад, и себя. Вот каков масштаб риска всей этой затеи. И вот как она осуществлялась на практике: достаточно было соединить немодернизируемый субъект, Россию, с концепцией модернизации, чтобы получить фашизм. В

этом проекте была узкая-узкая щель, щель авторитарной модернизации. У нас могло быть четыре варианта развития: радикальная левая реформация (при которой партия возглавила бы процесс прорыва в постиндустриальные перспективы, воссоздавая заново и т.д.); авторитарная союзная модернизация (при которой партия сыграла бы роль английской королевы, примерно китайскую роль, и управляла бы процессом уже как госструктура, как суперкорпорация); национальная модернизация, авторитарная; и у нас мог быть хаос, регресс, распадение всей этой структуры.

Когда я разговаривал с одним интеллектуалом из окружения Горбачева (сейчас уже не стоит называть фамилию), я спросил: "Как вы это будете делать?" Он ответил: "Мы революционно разрушим, а потом все будет органически вырастать". Извините, эта концепция не знает аналогов в истории, и вот почему: революционеры легитимировали себя всегда тем, что у них был проект мгновенного строительства: мы разрушаем и тут же строим. Тот же, кто не разрушает революционно, не имеет проекта строительства, т.е. утопии, тот не ломает, а медленно трансформирует имеющийся уклад. Либо эволюция, либо революция. Но так, чтобы революционно ломать и эволюционно ждать, что все вырастет, я не знаю, кто так делал. И последствием такой модели может быть только социальный регресс. Вот мы и имеем социальный регресс — возьмите любую сторону нашей жизни, и вы увидите эту свертывающуюся улитку, социальный регресс, со всеми его последствиями.

Мы имеем не строительство наций в Средней Азии, на Кавказе и где-либо еще, мы имеем трайбализацию всей страны. У нас нет казахской нации, у нас есть жузы, родоплеменные структуры, все более и более выявляющие свою дисперсность, у нас нет чеченского народа, у нас есть тейпы — равнинные, горские. Извините, у нас нет и русской нации, у нас есть кланово-корпоративные структуры на уровне регионов, отраслей, типов элит, ведомств, постепенно мафиозирующие, ведущие войну всех против всех (совсем не по Гоббсу). Тот хаос, который стабилизировался либерализмом, был хаосом микромолекул, и война всех против всех велась между микроструктурами. У нас же нет *"живого творчества масс"* — у нас есть *"живое творчество"* *кланово-корпоративных структур*, которые вообще неспособны ощутить кризис, ибо кризиса у них нет. Приезжайте на любую из этих вилл, — там нет кризиса, и его никогда не будет, даже если половина населения вымрет. Но реально власть в руках удерживают именно кланово-корпоративные структуры, т.е. необоярство.

Теперь об уничтоженном, раздавленном среднем сословии, третьем классе, среднем классе, который полностью вымыт реформами Гайдара из общества, — он у нас хоть какой-то, но был к 1990 г., а к 1992 — исчез. Общество — двугорбое: есть псевдозлита, т.е. супербогатые, посредине — размыв и дальше — бедные. У меня есть несколько клубов, в которых я выступаю, в частности клуб "Постперестройка", в который всегда приходила средняя интеллигенция. Я этой осенью пришел и всмотрелся в людей — они заметно хуже одеты, видно, что это пальто имеет приличный вид последний год. О каком же среднем классе мы говорим? "Волга впадает в

Каспийское море" — "либерализм требует среднего класса". Этот средний класс уничтожен рынком, превращен в ничто.

Налицо боярская смута. На Урале печатаются деньги Уральской республики, на Дальнем Востоке ассоциация "Пакт" вожделем приватизировать все сама, на Юге России зреет чуть ли не альянс южно-русских, сугубо ортодоксальных структур с Дудаевым, в Москве сплетение власти и собственности достигло больших масштабов. И что дальше? Дальше эта Дума начнет наезжать на Президента, он ее разгонит и останется тет-а-тет с московскими региональными структурами, Советом Федерации. На втором такте он летит вверх тормашками (я не отношусь к числу людей, которые будут рыдать по этому поводу), а наверх выезжает Совет регионов, олицетворяющий собой необоярство. Более того, поскольку эти кланово-корпоративные структуры заинтересованы в войне между собой, то залить кровью Чечню, чтобы Пашка был не в Москве, а на Кавказе, — это вполне нормальная цена. Если нужно решить дворцовую проблему здесь (а министра обороны послать куда-нибудь подальше), то почему, собственно говоря, не поджечь Чечню? Подумаешь! Что мы не знаем, какие структуры возили оружие и все прочее через эту Чечню, не знаем, как стоя на полусогнутых этот генерал-диктатор говорил: "Товарищ министр обороны!..." Значит, идет борьба за власть, значит нужно создать проблему где-то на Юге, сколотить партию войны и т.д. Да ради этого можно поджечь две республики! Нет проблем!

Почему нет проблем? Потому что в ходе регресса возникают боярские группировки совершенно нового типа, абсолютно готовые играть судьбами народов, целостностью территорий, перспективами исторического развития, — плевали они на это! И в подобной ситуации возникает вопрос: может ли здесь что-то сделать либерализм? Может ли здесь что-то сделать демократия? Демократия кого? Либерализм с опорой на какие социальные сущности? Сейчас возникает вопрос для меня (я не знаю на него ответа, ишу его вместе с собравшимися здесь: где находится государственный класс, который на это боярство сможет просто надеть узду (как минимум)? И следующий вопрос: пытаемся ли мы все-таки создать новый тип империи как союз народов, как нечто закрепляющееся объединительной сверхнациональной идеей (ничего больше я в слово "империя" не вкладываю), или мы пойдем все дальше и дальше путем создания национальных государств? Если пойдем последним путем, то встает вопрос о якобинцах. Я не знаю, может ли Валерия Новодворская сыграть роль якобинцев в нашей стране, не знаю, готов ли Гайдар реализовать себя как якобинец; но в этом случае они должны взять на вооружение жесткую национальную идею. Тогда вопрос о номенклатурном реванше, поставленный Бурбулисом, вполне закономерен. Но, я вас умоляю, не говорите в этом случае ни о каком либерализме, это национально-демократическая революция.

Если мы пойдем все-таки путем неоимперии, то тогда нам нужно вычислять жестко ту дозу разумного реставрационизма, которая не погубит окончательно страну (не погубит ее до конца, потому что полная реставрация добьет страну еще быстрее, чем любые мятежи) и создаст элемент синдикального устройства в этом корпоративном обществе имперского типа. Тогда либералы должны осоз-

нать, что они есть часть государственного класса, но государственного имперского класса. Но не ставить во главу угла концепцию строящегося из этого хаоса государства, и не танцевать от этой печки — значит еще раз сесть меж двух стульев... И на этот раз уже, может быть, окончательно.

Вопрос. Как Вы видите ту сверхнациональную идею, которая могла бы объединить эти пространства? Когда я слышу, что это могла бы быть идея диалога культур и прав человека, извините, на это остается только улыбнуться. Когда указывают, что вместе жить как-то лучше, что без стабильности на больших пространствах просто не выживем, это тоже не похоже на идею. Что же могло бы стать объединяющей идеей?

Ответ. На какой основе объединить? Если это империя (а мы договариваемся, что это империя), тогда основой объединения может быть только альтернативизм, т.е. мы развиваемся, но не модернизируемся. Я это называю прорывом. В зачаточном виде у коммунистов эта идея была, они сдали ее где-то в 70-е годы, но у них она была. Мы развиваемся в постиндустриализм, мы развиваемся в совершенно новый тип устройства общества, и в этом смысле, конечно, заданный вопрос очень точен. Мы развиваемся, как раз решая те проблемы, которые Запад в определенном смысле решить не может. Да, сегодня пытаюсь перейти из финансовой фазы в информационно-интеллектуальную. Нам в финансовой фазе места нет. А уж после развала Союза — совсем нет. Когда кто-то кричит: "Проклятый Гайдар, он по рецептам МВФ работает", то хочется сказать: "Ребята, вы легли на хирургический стол, так что теперь не критикуйте хирурга каждую минуту. Вы либо на него не ложитесь, либо поступайте в соответствии с диктовкой "финансового мира". Сначала грохнуть Раппальские соглашения, фиксировавшие наличие двух финансовых центров — Москвы и Нью-Йорка, а потом жаловаться, что кто-то ведет себя неподобающим образом. Так что вы сами не будьте варварами и помните, что под каждым обобщающим документом в пять страниц подложен *айсберг* из документов, которые, кстати, никто еще не денонсировал.

Значит, вопрос заключается в одном: если бы коммунисты на определенном этапе (мы об этом говорили), взяли на вооружение идеологию *прорыва*, т.е. ускоренного вхождения в интеллектуально-информационную фазу, то сейчас нам не пришлось бы преодолевать инерцию возникновения новой финансовой олигархии. У нас был один плюс — не было финансовой олигархии. На XXVII съезде еще казалось, что возможность перехода (вхождения) есть, что борющиеся силы внутри партии в состоянии повернуть в нужном направлении. Что же произошло? Произошло то, что мы получили удар в спину от националов. Не от желавших распустить партию, а (давайте условно говорить) от структур пятого управления КГБ, которые давно видели себя альтернативой партии. Это первое.

Вторая проблема заключалась в том, что эта партийная элита не видела себя в таком *прорыве*, а видела — в кооперативах. Кооперативы ей очень нравились, она прекрасно понимала, что сможет прокрутить в них все, что ей нужно. Но о чем думала научно-техническая интеллигенция? О чем думало это интеллектуальное со-

словие, которое исторически созрело для того, чтобы взять власть, а вместо этого сыграло роль шестерки при каких-то боярских кланах, в борьбе Москвы и Свердловска, высоких технологий и танкового ВПК, которая почему-то назвалась демократической революцией? Идея Востока, дополняемая "каким ты хочешь быть, Восток", русская идея как идея симфонизма, всечеловечества и идея прорыва как гиперускоренного развития с соответствующими структурами, — на базе этих идей в очень жестком режиме могло начаться движение с опорой на новый интеллектуальный класс, формирующийся в ходе самого этого движения. Но интеллигенция все это сдала за гласность, за болтовню. Она власть отдала. Попалась на удочку.

Вопрос. Когда мы говорим о разрушении Союза и о том, что это разрушение было связано с реализацией либерального проекта, возникает вопрос: где на этом пути можно было остановиться? Можно ли было не уходить из Восточной Европы? Если из Восточной Европы в силу военного напряжения не уйти было нельзя, то можно ли было признать факт самоидентификации Прибалтики с Восточной Европой? Далее, если невозможно было ограничиться Прибалтикой, можно ли было тогда приостановить всплеск национализма по всем западным и южным территориям Союза? Где можно было остановиться в этом роспуске? Или следовало остановиться в самом начале на империи, как она была, на империи с внешним восточноевропейским поясом?

Ответ. Я Вам могу рассказать, кто остался бы и кто ушел при сохранении империи. Югославы бы резко приблизились, болгары, естественно, тоже, из Польши надо было бы уходить, в Прибалтике можно было вести игру лет сорок по абсолютно демократическим правилам. Что касается всех остальных, то говорить здесь просто не о чем. Никто не собирался уходить, их ногами отпихивали. Они до сих пор ползут назад. Соответственно, либеральный проект и Союз не могли сочетаться, а проект прорыва и Союз — могли. Нельзя было ни в коем случае ликвидировать шестую статью, нужно было встать над схваткой, превратить партию в суперкорпорацию и жесточайшим образом реализовать модернизационный проект, опираясь на тезис о советском гиперэтносе или суперэтносе. Опираясь на него, нужно было посмотреть, сформировали мы уже социалистический гиперэтнос в Восточной Европе или нет. И если мы его кусками, но сформировали, то там, где сформировали, остаться, где нет — уйти.

Вопрос. Вы довольно точно описали, что произошло за последние годы, может быть, кроме некоторых оговорок. Но могло ли быть иначе? Скажем, идея о том, что в перестройку можно было бы пройти, как Вы сказали, по узкой щели авторитарного варианта под руководством КПСС, была довольно распространенной, многие из присутствующих с большим энтузиазмом пытались участвовать в ее осуществлении. А если посмотреть реально, то какой показала себя КПСС, — была ли способна на это? Существовал ли в реальности такой вариант, или он мог существовать только в чьих-то идеалистических устремлениях?

Ответ. Этот вариант был почти невозможен. Я все время оставляю это "почти". Понимаете, законы общества и законы материаль-

ного физического мира разные. Тут нет роковой предопределенности, такой вариант был почти невозможен. Здесь страшно много зависело от личности. Недавно мы в очередной раз сцепились с этой личностью в его фонде, и когда я сказал, что достаточно было "двух десантных батальонов на Старой площади для вашей модернизации", он ответил: "Не надо, не надо, я тебе не Грачев". Если ты не Грачев и не способен проводить жестких мер внутри самой партии, то о чем разговор? Когда начался вой о 37-м годе, я понял, что партия хочет ввести демократию в пределах самой себя и при этом никоим образом не допустить наведения порядка внутри партии, — обратное этому — китайская модель.

Прорыв — совсем другое. Здесь я вынужден отвечать не в одной фразе, а более подробно. Я не хочу критиковать сталинское поколение, — поколение с огромным чувством жертвенности внутренней, государственничества и всего остального (этого не было у его последователей). Но это поколение (как я могу, не задевая, сказать), оно очень уж в ногу ходило, оно было такое послушное.

К началу 60-х годов появилось другое поколение, уже способное к рефлексии, но еще социалистически настроенное (целина, Окуджава, все остальное). Это поколение могло сыграть роль революционной интеллигенции, которая должна была выполнить одну задачу — предъявить власти разрыв между идеалом и тем, что она реально делает. Одну, я подчеркиваю, задачу. Если бы это было сделано (а события в ряде городов показали, что и рабочий класс на подходе), то возникла бы реальная угроза власти олигархии. А к концу 60-х такой возможности уже не было. Почему? Потому, что мгновенно и каким-то очень странным способом стало создаваться диссидентское движение, которое подменило предъявление разрыва между идеалом и действительностью критикой самого идеала. Когда теперь я вдруг читаю о саморазоблачении Синявского ("Как я был агентом МГБ"), то задаюсь простым вопросом: выходит, что раскол между интеллигенцией и властью организовывала сама власть? Так это следует из признаний самого Синявского (книжка называется "Спокойной ночи", прочитайте внимательно вторую половину, там все написано). К этому моменту было ясно, что власть работает на уничтожение своего идеала, на открепление от него, на обрубание каната, при помощи которого баржа этого идеала все же куда-то тянет общество. Ей нужно дискредитировать идеал, освободиться от его влияния и после этого начать милую сладкую жизнь. И когда интеллигенция на это купилась, когда даже Сахаров (который мог бы сделать гораздо больше) начал вдруг стонать и стенать, тогда стало ясно — выстраивается подножие для олигархии. Этот узкий период с 1985 по 1987 г. интеллигенция (если она хотела власти) должна была использовать для создания жесткого, плотного и конструктивного союза с той частью бюрократии, которая не громит социалистический идеал, а пытается его трансформировать. Да, вероятность реализации существовавших потенциалов равнялась 0,5—0,1%. Это что-нибудь в истории значит? В материальном мире это ничего не значит, в истории же — значит, поскольку в ней что-то значит *воля*. А *воля* что-то значит там, где она противостоит распаду, регрессу, второму закону термодинамики. Там же, где она

катится по волнам регресса, а не противостоит ему, там воли нет, там есть объективные законы. Так вот, *воля* превращала 0,5% в реальный исторический шанс, и этот шанс был упущен.

Вопрос. Вы говорили о том, что либерализм — неосуществимый проект. Я в принципе с Вами согласен, но у меня возникают аналогии. Как Вы относитесь к экономическому неолиберализму в Аргентине, за которым стояла не модернизаторская группа, а старая финансово-торговая землевладельческая олигархия. Почему Вы не допускаете возможность такого либерализма у нас?

Ответ. Допускаю. Только это такой же либерализм, как я — Галина Уланова. Я еще хочу сказать, что, если бы удалось осуществить здесь либерализм, я был бы просто счастлив, я нашел бы очень хорошее для себя место и больше ни на что бы не претендовал. Я просто не верю, что он может быть осуществлен. А то, что Вы говорите, — это Перон. Ну так я уже три года об этом говорю, с коррекцией на нашу действительность. Перон, а не Пиночет, потому что Пиночета здесь не будет, здесь будет Гитлер. В уродливом, ущербном варианте. Вы меня спрашиваете, какая вероятность в этом процессе наибольшая? Конечно, фашизма, ибо создана среда для фашизма. А может ли быть Перон? Может быть, с соответствующими полковниками или генералами, с опорой на автохтонные кланы, у которых гигантские основные фонды, непонятно сколько стоящие. Вот этим денежным группам и нужна нестабильность. Если банки здесь делают 100% в долларах на капитал, а на Западе 7%, и то уже много, — кто-нибудь откажется от 100% вместо семи? А вот ребятам, у которых денег мало и становится все меньше, но зато в руках огромные основные фонды (они даже не понимают, сколько они стоят, потому что пока они не работают, они нисколько не стоят), очень интересно получить в распоряжение большое союзное пространство, кататься по нему на танках. Левая идеология? Да плевали на нее, она их никогда не интересовала, им нужна любая, которая позволит это сделать. Вот Чечня. Кто хороший, а кто плохой? А кто их знает? Я знаю, что равнинные тейпы — мягкие, сравнительно ориентированные просоциалистически и пророссийски. Дудаевские кланы — жесткие, горные тейпы, это самый жесткий из всех вирдов — кадерия. Для того чтобы создать чеченскую нацию, нужны вирды типа кадерия, так же, как, чтобы создать в Таджикистане нацию, нужны вакхабиды. Но для того, чтобы понять это, нужно поставить во главу угла концепцию государства. Тогда можно найти опору в регионах, в соответствии с этой опорой выстроить политику, к этой политике прикупить бронетехнику, а не просто послать туда наобум полторы тысячи танков. И что они там будут делать? Права человека защищать? Как мне кажется, именно в левом имперском жестком поле еще есть шанс, а если мы его упустим — будет фашизм. Всякие "песни посередине" — это песня Сольвейг, это не политика. Так хаос не заклинают. Я возвращаюсь к стихотворению, которым начал: "...и те, кому оставил он // страну в бешущем разливе, // должны заковывать в бетон".

Вопрос. Мои вопросы связаны с потребностью лучше разобраться в том, какие реалии стоят за некоторыми общеконцептуальными утверждениями. Например, та империя, о которой Вы говорите как

о каком-то оптимальном проекте, по-видимому, будет представлять из себя нечто совершенно уникальное, с точки зрения всемирного исторического опыта. Ибо, в общем-то, империи, т.е. принудительные объединения разных этнических, культурных, религиозных групп, как известно, рано или поздно распадались, как только сила принуждения ослабевала. Каким же образом можно восстановить империю, если не силой принуждения? Если это так, то где взять эту силу принуждения? Второй вопрос связан с Вашим проектом, концепцией прорыва. Я не очень хорошо понял, что это за прорыв. Прежде всего, почему я не очень хорошо это понял. Наверное, потому, что, кроме региональных противопоставлений: Запад—Восток, Россия—Запад и т.д., все-таки, очевидно, существуют достаточно реальные структурные социально-экономические противопоставления: скажем, государственный способ производства или государственный социализм; бюрократический капитализм типа "третьего мира" или свободная рыночная экономика, которую называют капитализмом. Так вот, этот рывок в постиндустриализм (я понял, что речь идет о развитии в этом направлении) возможен на основе госсocialистических структур или на основе все-таки рыночных структур? Если Вы имеете в виду первое, то какими силами Вы сможете социализм восстановить? И хотелось бы, чтобы Вы расшифровали свой тезис о "разумном реставраторстве".

Ответ. Империя — уникальный проект. Если говорить о прецеденте, то это — Священная Римская империя. Разве там был империализм? Там не было его. Там был католицизм, объединяющий народы, т.е. мощная объединительная идея. То же самое фактически делали красные. Теперь второй вопрос — почему империи распадаются? Потому что в духовном ядре империи заложено не развитие, а традиционализм. Поэтому каждую империю приходится к развитию побуждать пинком. Историческая заслуга коммунистов, которые создали действительно беспрецедентную вещь (хотя сами ее не поняли), заключается в том, что они в ядро империи вложили левую диалектику, т.е. именно принцип развития, но, грубо говоря, развитие сделали Богом. И все же, поскольку они совместили традиционализм с динамикой, они *могли* создать империю, которая бы не разваливалась.

Что такое структурно-социальный прорыв и т.д.? Что происходило при том же Сталине? Например, фильмы, в которых рабочие и академик вместе в одном санатории, — это и блеф, и не блеф, существовала двенадцатирядная сетка и что-то там еще.» Когда Бенхайм писал "Революцию менеджеров", он копировал с нас. Вопрос заключается в том, что мы могли построить общество с очень открытыми каналами вертикальной мобильности при огромном неравенстве, т.е. общество иерархическое, но в другом смысле слова. Я считал и считаю (хотя все говорят, что я сумасшедший), что можно было построить общество двенадцатирядное с разрывом два или почти два по вертикальной шкале статусов. Если бы это совмещалось с действительно открытыми каналами вертикальной мобильности конфуцианско-китайского типа, то это общество было бы устойчивым.

Теперь о разумном реставраторстве. Знаете, вообще реставраторство не бывает разумным, это всегда гадость, я это понимаю. Но

я мучительно думаю о том, какой сегодня может быть формула власти — между реставрацией и военной хунтой. И я не вижу этой формулы, все остальное — песни Сольвейг. Военная хунта — это очень страшно, но это не реставрация. А вот будет эта хунта левой или правой — очень существенно. И какая будет намотана "обмотка" на "сердечник" у трансформатора — очень серьезный вопрос, жизненно важный для всех здесь присутствующих. Будет ли это левый, более-менее просвещенный тип хунты, будет ли ультраправая хунта, будет ли имперский вариант или наоборот, —, ничего кроме этого. И если на "сердечник" наматывается "левая проволока", то здесь есть элемент разумного реставраторства (в историческом плане). И где-то между этим реставраторством и чисто военной системой проходит узкая грань, пройдя по которой, еще можно спасти государство, — иначе воцарится тот полный хаос, о котором здесь говорили. Поэтому, я снова подчеркиваю, путь ветвится на хунту и реставрацию. В пределах хунты он ветвится на правую и левую, и в этих пределах (поскольку это хунта) могут возникнуть или империя, или национальное государство. Это алгебра политического процесса. Если это не так и кто-то найдет другую, третью, четвертую формулу, я буду просто счастлив. Я других выходов не вижу.